DOI: 10.17117/na.2016.10.02.309

<http://ucom.ru/doc/na.2016.10.02.309.pdf>

Поступила (Received): 25.10.2016

Антонов И.В.

К вопросу о монголах и татарах в Золотой Орде

Antonov I.V.

To the question about the Mongols and the Tatars of the Golden Horde

В статье рассматривается вопрос о центральноазиатском компоненте населения улуса Джучи. Этот компонент был представлен монголами – потомками тех воинов, которых Чингиз-хан отдал Джучи, и татарами – монгольскими племенами, не признавшими власть Чингиз-хана и бежавшими на запад Великой степи. Смешение пришлого компонента с местным (кыпчаки) привело к сложению в улусе Джучи татарской этнической общности

Ключевые слова: монголы, татары, кыпчаки, Золотая Орда

This article deals with the question of the Central Asian component of the population of the ulus of Juchy. This feature was submitted to the Mongols – the descendants of those warriors, where Genghis Khan gave Juchy, and the Tatars – Mongol tribes, not having the power of Genghis Khan and had fled to the West of the Great steppe. Blending component with local populace (the Kipchaks) led to the addition in the ulus of Juchy Tatar ethnic community

Key words: Mongols, Tatars, Kipchaks, Golden Horde

Антонов Игорь Владимирович

Кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник

Институт этнологических исследований

Уфимского научного центра Российской академии наук

г. Уфа, ул. К. Маркса, 6

Antonov Igor Vladimirovich

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Lecturer

Institute of ethnological studies of Ufa scientific centre of Russian Academy of Sciences

Ufa, K. Marx st., 6

Предпринятый нами анализ письменных источников показал, что в сочинениях арабо-персидских авторов Золотая Орда называется либо кыпчакским, либо татарским государством, но ни в коем случае не монгольским [1, с. 2-23]. Правда, все эти авторы сами в Золотой Орде не были и получали информацию опосредованным путем. Единственный из арабо-персидских авторов, побывавший в Золотой Орде – арабский путешественник Абу Абдаллах Мухаммед Ибн Баттута, пишет, что в ее столице Сарае живут разные народы, но из них только «монголы – это [настоящие] жители страны и владыки [ее]» [2, с. 306]. Тем более странно, почему Золотая Орда не называлась монгольским государством. Принято считать, что в Золотой Орде монголов было мало, поэтому они быстро смешались с местным населением. Этот процесс иллюстрирует всем известная цитата из арабского географа-энциклопедиста XIV в. Ибн Фадлаллаха ал-Омари о том, как татары уподобились кыпчакам [см.: 2, с. 235]. Исследователи делают вывод, что пришельцы-татары были ассимилированы аборигенами-кыпчаками [3, 82], которые изображены, если можно так выразиться, победителями [4, с.

103]*. Смешанное население стало называться татарами. Однако использование термина «татары» в арабо-персидских, русских и западноевропейских источниках (именно в европейских источниках этот термин получил преимущественное распространение) признавалось неадекватным, ибо настоящие татары были уничтожены монголами. Как себя называли сами жители Золотой Орды, мы не знаем по причине отсутствия источников местного происхождения. Согласно традиционному мнению, смешанное монголо-кыпчакское население свое название восприняло от иностранных авторов, превратив экзоэтноним в эндоэтноним. Кто же в таком случае оказался победителем, ведь кыпчаки не сохранили своего названия, а для монголов татары были врагами?

Обзор обширнейшей литературы о соотношении терминов «монголы» и «татары» не является задачей одной статьи, поэтому наше внимание привлекла позиция современного казанского археолога и историка И.Л. Измайлова (одного из представителей научной школы «татаристов»), являющаяся попыткой нетрадиционного решения проблемы. В пространной статье с сенсационным названием «Татары в империи Чингиз-хана и его наследников: триумф побежденных», как это ни странно, оказалось возможным представить побежденных монголами татар победителями. Автор не разделяет мнение о том, что в Золотой Орде этноним «татары» был навязан местному населению какой-то посторонней силой: «хотя «татарами» мусульманские и христианские современники называли всех монгольских завоевателей, но сами себя татарами они именовали только в Золотой Орде» [6, с. 39]**. Именно в улусе Джучи сложилась особая этнополитическая ситуация, не характерная для других монгольских улусов.

В обстановке, когда трудно рассчитывать на появление новых источников, способных разъяснить ситуацию, придется обратиться к источникам, всем хорошо известным, но, по нашему мнению, недостаточно осмысленным.

О происхождении термина «монгол» Рашид ад-Дин пишет: «Слово монгол стало именем их рода, и это название переносят [теперь] на другие народы, которые похожи на монголов», хотя «последние же были одним из тюркских народов». Механизм перенесения названия монголов автор объясняет так: «вследствие же их могущества другие [племена] в этих областях также стали известны под их именем, так что большую часть тюрков [теперь] называют монголами. Подобно тому, как перед этим татары стали победителями, то и всех [других] стали называть татарами. И [поныне] еще татары пользуются известностью в Аравии, Хиндустане и Хитае» [8, с. 77-78]. Тюрками Рашид ад-Дин называет все кочевые скотоводческие народы Азии, поэтому «у нашего автора «тюрки» – термин не столько этнический, сколько социально-бытовой» [9, с. 28]. Разумеется, монголы не были одним из тюркских народов в современном, т. е. лингвистическом, понимании термина «тюрки», так как их язык относится к иной группе алтайской семьи. Под именем монголов стали известны и другие монголоязычные племена, живущие в различных областях Монголии. Таким образом, Рашид ад-Дин различает два значения термина «монгол»: в узком смысле монголы – это то монголоязычное племя, из которого происходил род Чингиз-хана; в широком смысле монголы – это все монголоязычные племена Центральной Азии, большинство из которых раньше монголами не назывались, но потом стали

известны под именем монгольского племени вследствие его могущества. Рашид ад-Дин неслучайно отмечает, что все эти племена и раньше были похожи на монголов, т. е. составляли с ними единую общность (лингвистическую, антропологическую, хозяйственно-культурную, наконец, историческую, если иметь в виду общность происхождения), а потом вошли в состав созданного монголами государства и вместе с ними участвовали в завоевательных походах. До возвышения монголов наиболее могущественным племенем в Монголии были татары, они победили другие монголоязычные племена и распространили на них свое название. Поэтому в зарубежных странах долгое время сохранялась традиция называть всех монголов татарами.

Татары уже в глубокой древности «были покорителями и владыками большей части [монгольских] племен и областей, [выдаваясь своим] величием, могуществом и полным почетом [от других]». Поэтому и другие тюркские роды «стали известны под их именем и все назывались татарами. И те различные роды полагали свое величие и достоинство в том, что себя относили к ним и стали известны под их именем, вроде того как в настоящее время, вследствие благоденствия Чингиз-хана и его рода, поскольку они суть монголы, – [разные] тюркские племена», в том числе татары, «из-за самовосхваления называют себя [тоже] монголами, несмотря на то, что в древности они не признавали этого имени. Их теперешние потомки, таким образом, воображают, что они уже издревле относятся к имени монголов и именуются [этим именем], – а это не так, ибо в древности монголы были [лишь] одним племенем из всей совокупности тюркских степных племен». Рашид ад-Дин подчеркивает, что «внешность, фигура, прозвание, язык, обычаи и манеры их были близки у одних с другими и хотя в древности они имели небольшое различие в языке и в обычаях», ныне вся «эта совокупность народов для своего величия и достоинства признает полезным называть себя монголами. Перед этим, тоже вследствие силы и могущества татар, был такой же случай и по этой причине еще [и поныне] в областях» Китая, Индии, Дешт-и Кыпчака и арабских странах «все тюркские племена называют татарами» [8, с. 102-103].

П.О. Рыкин пишет о проблеме символической унификации, стоявшей перед руководством новообразованной империи, населенной «народами девяти языков», неустойчивое объединение которых держалось только на лояльности харизматической фигуре Чингиз-хана. Для того чтобы внушить всей этой разношерстной совокупности этнических групп чувство естественности объединения под знаменами Завоевателя мира, решено было окрестить недавно возникшую политику старым и хорошо известным китайцам термином «монгол». По мнению П.О. Рыкина, решающим фактором здесь послужило то обстоятельство, что монголы XI-XII вв. вели неудачную войну с Цзинь, а в XIII в. под предлогом мести напали на чжурчжэньскую империю. «К тому же требовалось покончить с официальной классификацией цзиньцев, объединявших все степные народы под рубрикой «татары», путем демонстративного переименования их в «монголов» и разработки эффективных способов сделать новую номинальную идентичность значимой для тех, кому она была приписана. Номинация же «татары» подлежала ликвидации хотя бы потому, что она безусловно ассоциировалась с

подчиненным и зависимым по отношению к Китаю положением разделявших ее групп... Знаки этой покорности, какой бы символической она ни была, и хотел стереть Чингисхан: он не мог допустить, чтобы его держава, претендовавшая на мировое господство, сохранив название «татары», тем самым сохранила бы и видимый след прежней вассальной зависимости своего населения от ненавистных цзиньских властей» [10, с. 62-63].

Итак, татары – это одно из монгольских племен, потерпевшее поражение от другого племени, называвшегося монголами. Раньше все монгольские племена назывались татарами по имени наиболее могущественного племени, а теперь они же стали называться монголами, что означало признание власти Чингиз-хана и его рода. Разумеется, что становясь татарскими или монгольскими, эти племена сохраняли и свои прежние названия. Важно, что они имели лишь небольшие различия в языке и в обычаях. Иначе как же объяснить, что все эти племена вначале были объединены под эгидой татар, а потом – монголов. Очевидно, были объективные причины, когда группа родственных племен признавала над собой власть наиболее могущественного племени. Но эти два названия не всегда можно использовать в качестве синонимов. Джувейни пишет, что Чингиз-хан «направил посланников и к другим племенам; и те, кто пришел к нему с выражением покорности, как ойраты и конкураты (унгираты), были приняты в число его союзников и военачальников, и они пользовались его снисхождением и благосклонностью; а что до непокорных и мятежников, то из них он вышиб дух хлыстом бедствий и мечом уничтожения; и так продолжалось до тех пор, пока все племена не сравнялись между собой и не стали послушны его воле» [11, с. 28]. Как известно, объединение Монголии под властью Чингиз-хана сопровождалось жестокой кровопролитной борьбой, в ходе которой далеко не все племена добровольно соглашались признать его власть и тем самым назвать себя монголами. Противники подлежали уничтожению (татарское племя в этом отношении – наиболее показательный, но не единственный пример). Свое спасение они искали в бегстве, а путь был только один – на запад Великой степи, т. е. в Дешт-и Кыпчак.

Распространение в Дешт-и Кыпчаке этнонима «татары» И.Л. Измаилов непосредственно не связывает с племенем татар. Он исходит из положения о том, что «никаких массовых переселений буир-нурских татар в Улус Джучи не зафиксировано, как нет и данных о том, что в войсках Джучи было сосредоточено больше татар, чем в других монгольских туменах» [6, с. 39-40], которое нуждается в уточнении. Буир-нурские татары, подвергшиеся массовому уничтожению со стороны монголов, вряд ли могли стать этнической основой золотоордынских татар, а в войсках Джучи никаких татар вообще не было. Татары были врагами монголов и уже поэтому сражаться на стороне Чингиз-хана и его сыновей они никак не могли. Непременным условием вступления в армию Чингиз-хана была смена названия «татары» на название «монголы», стало быть, никаких носителей этнонима «татары» в монгольской армии не было. Т.Д. Скрынникова отмечает, что «татары, завоеванные и включенные в новую общность, вынуждены были называться монголами» [12, с. 153]. Таким образом, монголизация – это процесс не этногенеза, а политогенеза [12, с. 180]. «Замеченная»

И.Л. Измайловым закономерность, заключающаяся в том, что «в XII в. татарская и монгольская идентичность противоборствовали между собой в степях Центральной Азии практически на равных, но уже с начала XIII в. татарская идентичность смещается на Запад, а в Монголии практически сходит на нет» [6, с. 45], объясняется тем, что татары, не признавшие власть Чингиз-хана и оставшиеся в живых, нашли спасение на Западе, в то время как татары, оставшиеся в Монголии, либо были истреблены, либо вынуждены были признать власть Чингиз-хана и назвать себя монголами. Такое название было официально закреплено за сформированным Чингиз-ханом народом-войском, которое пополнялось за счет побежденных народов. Керейты и найманы «быстро стали верноподданными». Однако меркиты и часть найманов «ушли на запад и продолжили войну» [13, с. 152].

Несмотря на попытку преодолеть традиционный подход, И.Л. Измайлов утверждает, что, хотя татар в улусе Джучи было сравнительно мало, они представляли собой гвардию и высший управленческий персонал, благодаря чему стало возможным распространение здесь нового этнонима – «татары» [6, с. 46]. В данном случае автор исходит из синонимичности терминов «татары» и «монголы», поэтому он не может убедительно объяснить, почему же монголы, представлявшие собой гвардию и высший управленческий персонал во всех монгольских улусах, только в улусе Джучи стали называть себя татарами. Ведь в остальных улусах такое название не было престижным. В том-то и дело, что в улусе Джучи татары не были ни гвардией, ни высшим управленческим персоналом. На территории улуса Джучи они нашли спасение от монголов. Более объективной представляется точка зрения М.Г. Сафаргалиева: «Сами монголы стали презрительно называть татарами покоренные народы». Поэтому «татарами стали называть и половцев, завоеванных монголами». В Золотой Орде «термин «татары» был закреплен за всеми тюркскими племенами, поработченными монголами: половцами, булгарами, бургасами, маджарами и самими татарами; самые же монголы, представлявшие небольшую господствующую прослойку, отделяли себя от татар». Однако монголы среди массы «татар» составляли меньшинство [14, с. 34-35]. Поэтому это монгольское меньшинство очень скоро растворилось в составе татарского большинства. Монголы в Золотой Орде не сохранились, все кочевое население государства стало называться татарами. Очень важно заметить, что М.Г. Сафаргалиев не считал, что татары и монголы в Золотой Орде – это одно и то же племя. Татары находились в числе народов, поработченных монголами, поэтому господствующая прослойка в Золотой Орде и состояла не из татар, а из монголов. Разумеется, татарских племен в Золотой Орде было не одно, а несколько, и все они бежали на запад от монголов.

Современные казанские исследователи почему-то мало внимания уделяют трудам выдающего российского этнолога Раиля Гумеровича Кузеева, а ведь именно в его трудах, по нашему мнению, содержится ключ к решению рассматриваемой проблемы. Данные о расселении татарских племен в Восточной Европе обобщены в монографии Р.Г. Кузеева «Происхождение башкирского народа» (см. таблицу). В этногенезе башкир приняли участие такие центральноазиатские и южносибирские племена, как керейты, кара-китай, найманы, салджиуты, табынцы, меркиты, киргизы, которые в своем движении на запад

дошли до причерноморских степей и Крыма, где зафиксированы образованные от их названий топонимы. В Башкирию эти племена, как следует из их преданий, пришли с Кавказа и Крыма, с Волги и Дона, с берегов Черного моря. Таким образом, они оказались на правом берегу Волги, которую им пришлось пересечь в возвратном движении на восток. Вместе с ними в Башкирию пришли кыпчаки и канглы. С востока и юга в Башкирию пришло монгольское племя дурбан, которое вместе с племенами салджиут, татар и катакин находилось во враждебных отношениях к Чингиз-хану. Дурбаны были близки к племени баарин. Кушчи – племя, покоренное дурбанами. Эти племена, согласно Р.Г. Кузееву, «постепенно растворились в безбрежных степях Дешт-и-Кипчака, впитывая кыпчакский язык и культуру» [15, с. 213-216]. Найманы и союзные им меркиты и салджиуты после поражения от монголов бежали на запад к кара-китаем, поэтому в родоплеменном составе многих народов ктай и найманы взаимосвязаны [15, с. 226-227]. Племена салют и катый в Башкирии всегда расселялись на смежных территориях, а в преданиях называются «братьями» [15, с. 233]. В то же время катыйцы с момента их миграции в Башкирию всегда расселялись смежно с табынцами, в их культуре много сходных черт [15, с. 257-258]. У башкирских миркитов основной тамгой является наймано-каитайская. На основании этих фактов Р.Г. Кузеев делает вывод о том, что «движение, точнее бегство, на запад, в степи Дешт-и-Кипчака, найманов, кара-китаев, миркитов, а также многих других племен в начале XIII в. было всеобщим и сопровождалось возникновением множества новых родоплеменных комбинаций и смешением племен» [15, с. 312].

Однако не во всем с Р.Г. Кузеевым можно согласиться. Например, он допускает, что кереиты были тюрками, так как Рашид ад-Дин относит их к числу племен, которые «не столь давно получили имя монголов» [15, с. 181]. Следуя такой логике, можно считать, что на монгольском языке разговаривало только одно племя монголов. Как же тогда объяснить ту общность монгольских племен, о которой пишет Рашид ад-Дин? Со ссылкой на Рашид ад-Дина Р.Г. Кузеев пытается доказать, что и найманы говорили по-тюркски. Здесь он солидаризируется с японским исследователем С. Мураямой, который сделал вывод о языке найманов на основе анализа их этнонима, имен и титулатуры [15, с. 227]. Однако более убедительной представляется монгольская основа этнонима, а личные имена и титулы могли быть заимствованы. Наконец, тот факт, что найманы были тесно связаны с кара-китаем, меркитами и салджиутами, говорит не в пользу мнения С. Мураямы и Р.Г. Кузеева. Таким образом, исходя из определяющей роли в этнических процессах XIII-XIV вв. кыпчакского компонента, Р.Г. Кузеев вольно или невольно пытался преувеличить роль близких к кыпчакам тюркских племен и приуменьшить роль более отдаленных от них монгольских племен.

В.В. Бартольд не согласился с мнением Н.А. Аристова, считавшего, что Монголия вплоть до Чингиз-хана была занята тюрками, за исключением ее крайней северо-восточной части, где появились монголы, которые покорили тюрков и отняли у них лучшие земли, хотя значительная часть тюрков осталась на своих местах и уже в XIII в. «омонголилась». «Если монголы до Чингиз-хана действительно занимали только ту небольшую область, которую им отводит г-н Аристов, – писал В.В. Бартольд, – то число их в сравнении с тюрками не могло не

быть крайне незначительным. При благоприятных обстоятельствах и при гениальных дарованиях Чингиз-хана такая малочисленность, может быть, не исключала бы возможности военных успехов монголов, даже не помешала бы им наложить на покоренных свое имя; но при таких условиях было совершенно невыносимым не только «омонголение» нескольких сильных народов в период времени меньше ста лет, но и сохранение монголами своего языка; неизбежным последствием побед Чингиз-хана было бы образование нового тюркского народа, хотя бы под названием монголов». В.В. Бартольд признавал невозможным определить, какие из перечисленных Рашид ад-Дином народов Монголии были тюрками, а какие монголами. «Мнение Ховорса о тюркском происхождении кераитов, найманов и других основывается главным образом на их тюркских именах и титулах; между тем это явление гораздо проще объясняется культурным влиянием уйгуров, которому христианские кераиты и найманы, естественно, подвергались в большей степени, чем остальные народы». Однако в пользу тюркского происхождения татар данных еще меньше [16, с. 273-275].

В.В. Ушницкий в этой связи пишет: «Этнонимы «татар» и «тат» считаются словами тюркского происхождения, но они использовались тюрками только для обозначения «чужаков», т. е. народов, не говорящих по-тюркски». Тюркские племена своих монголоязычных соседей называли «тат» или «тат-ар» – «чужой человек», т. е. «не-тюрк». «Следовательно обозначение татары в отношении тюркизированных монгольских групп в Золотой Орде относилось сначала именно к чужакам, нетюркской принадлежности» [17, с. 54-55]. Напротив, этноним кереит объясняется только с монгольских языков и неприводим с тюркских [17, с. 90-91].

Причисляемые к татарам найманы, кераиты, джелаиры, меркиты и собственно татары, как считает И.Л. Измайлов, уже в XIII в. стали значительной частью аристократии улуса Джучи [6, с. 50]. Однако аристократия в улусе Джучи состояла из тех людей, которые считались монголами. В этом отношении показательна судьба Мамай, сделавшего карьеру во второй половине XIV в. А.А. Шенников установил, что «его предком был либо монгол из числа киятов (группы монголов, к которой принадлежал Чингис-хан. – И.А.), приставших к меркитам, либо меркит, каким-то путем присвоивший родословную одного из этих киятов. Последнее кажется более вероятным, так как имя Мамай (по персидским хроникам Мамак) неизвестно монголам, до появления золотоордынского темника Мамай не встречалось и у восточноевропейских тюркоязычных народов, но зато известно у алтайских и саянских тюрков, к которым ... были, по-видимому, близки меркиты». Отсюда автор делает вывод о том, что меркиты и сами были тюркоязычным народом [18, с. 461-462], хотя язык их неизвестен, а имена могли заимствоваться у соседей. «После разгрома меркитов на Иргизе в 1216 году уцелевший обладатель родословной, вероятнее всего, попал в Северное Причерноморье вместе с отступившими туда заволжскими кыпчаками. Там он сумел занять среди кыпчаков видное положение, оттуда его ближайшие потомки попали на золотоордынскую службу уже в качестве «князей» Киятов. Мамай унаследовал от меркитских предков только личное имя, а от кыпчаков, в свое время приютивших меркитов, получил военную поддержку, на которую и опирался

вплоть до своего падения» [18, с. 464]. По мнению В.В. Ушницкого, золотоордынские потомки половцев в лице Мамаю выдвинули взамен чингизидов своего предводителя. «Меркиты в глазах татаро-половецких кочевников Золотой Орды почему-то имели полное право утвердиться на троне, минуя династию чингизидов» [19, с. 160]. Таким образом, Мамаю, чтобы сделать карьеру в Золотой Орде, пришлось скрыть свое меркитское происхождение и объявить себя монголом. Можно, конечно, предположить, что среди «монгольской» знати улуса Джучи были и другие представители татарских по происхождению племен, скрывавшие свое происхождение. Но насколько много их было, судить не беремся. В то же время их продвижению могли способствовать родственные связи.

Рашид ад-Дин в «Повествование о Джучи-хане» включил «Памятку о сыновьях Джучи-хана и его внуках, имеющих отрасли до сего времени». Жены Джучи и его потомков относились к следующим племенам и родам (если их родоплеменная принадлежность указана): кунгират – 15, меркит – 1, джаджират – 1, огулан – 1, кераит – 1, татар – 2, найман – 1, кипчак – 1, аргуан – 1, тангут – 1, ушин – 1, ойрат – 1, алчи-татар – 1, сулдус – 1, туклан (тулас) – 1 [20, с. 66-78]. Кунгираты, как известно, были традиционными брачными партнерами борджигинов. Остальные пятнадцать жен принадлежали к различным племенам центрально-азиатского (меркит, джаджират, кераит, татар, найман, тангут, ушин, ойрат, сулдус) и местного (кипчак) происхождения (неясны названия огулан и туклан). Из кипчаков была всего одна жена. Отсюда следует, что Джучиды стремились брать себе жен из близких им по происхождению монгольских (татарских) племен, игнорируя представительниц местного тюркского населения. Вряд ли им приходилось привозить невест из Монголии. Очевидно, имеются в виду племена, поселившиеся на территории улуса Джучи. Среди них были и собственно татары, по количеству заключенных браков уступавшие только кунгиратам. Из приведенных данных видно, что Джучиды подверглись скорее татаризации, нежели кыпчакизации. Возможно, такой же была судьба и подчиненных им монголов.

Нельзя согласиться и с заключением И.Л. Измайлова «о постоянном притоке тюрко-татар из восточных улусов в Золотую Орду» [6, с. 51], ибо «истинные татары были монголоязычны» [21, с. 29]. Монголо-татары становились тюрко-татарами в Золотой Орде, переходя с монгольского на кыпчакский язык. Однако не все пришлые племена подверглись кыпчакизации. И.И. Дремов показал, что в восточном Дешт-и Кыпчаке после походов Чингиз-хана и его наследников монгольский этнический компонент не полностью растворился в местной тюркоязычной среде. «Тех, кто сумел сохранить свои культурные корни и языческую религию, окружающие тюркоязычные народы, а вслед за ними русские и западные европейцы, называли калмаками («оставшимися» или «отсталыми». – И.А.)». Приведенный автором перечень упоминаний о калмаках Дешт-и Кыпчака показывает, что они постоянно проживали здесь на протяжении, как минимум, трех столетий в XIV-XVI вв., а возможно, и ранее. Таким образом, «калмаки как народ появились еще во время существования Золотой Орды. Их появление в Казахстане не связано с продвижением ойратов из Джунгарии в XVII в. на запад

и наименованием ойратов «калмаками» мусульманскими народами». По мнению И.И. Дремова, «в Золотой Орде присутствовал значительный этнический компонент, представленный монголоязычными племенами, включая ойратов. На их основе в результате распада государства и смешения народов в Дешт-и-Кипчаке сформировалась новая этническая группа – «калмаки». Они могли не только иметь родство с ойратами, но и поддерживать с восточными ойратами Джунгарии и Монголии некоторые контакты» [22].

Противопоставляя покоренные народы, воспринявшие имя татар (кыпчаки, болгары, мадьяры и др.), правящей монгольской династии, И.Л. Измайлов пишет: «Возможно, также, что на раннем этапе государственности в Улусе Джучи такие настроения могли даже поддерживаться ее ханами для оправдания и легитимации своего сепаратизма» [6, с. 52]. Таким образом, распространение названия «татары» происходило не от правящей элиты к покоренным народам, а, наоборот, от покоренных народов (включая пришедших из Монголии татар) к правящей монгольской по происхождению элите. Обособление татарской Золотой Орды от Монгольской империи как раз и было, говоря словами И.Л. Измайлова, «триумфом побежденных». Однако необходимо подчеркнуть, что такой триумф стал возможен не в империи в целом, а только в Золотой Орде. Р.Ю. Почекаев один из параграфов своей книги о Батые неслучайно озаглавил «Батый против Монголии. Таинственная смерть Гуюк-хана» [23, с. 219]. Батый не стремился к обособлению улуса Джучи от Монгольской империи, что не мешало ему проводить объективно антимонгольскую политику. Следующий параграф озаглавлен «Государственный переворот Батые» [23, с. 231]. Батые удалось устранить законно избранного великим ханом Гуюка, бывшего его личным врагом, а чтобы посадить на имперский престол своего ставленника Менгу, ему пришлось совершить государственный переворот в Монголии. Преемники Батые на золотоордынском престоле уже не обладали возможностью вмешательства во внутренние дела метрополии, поэтому они взяли курс на сепаратизм, приведший к развалу империи.

По мнению П.О. Рыкина, монголами в расширенном понимании называлось все население Великой Монгольской империи безотносительно к этнической принадлежности. Каан считался главой монголов, каковыми являлись все его подданные [10, с. 73]. Обособление улуса Джучи от Монгольской империи превратило название «монголы» в неактуальное для местного населения. Теперь актуальным стало название «татары», обозначающее врагов монголов. «Новое» название стало атрибутом государственной независимости улуса Джучи, поэтому во всех остальных улусах Монгольской империи оно не прижилось.

Постоянный соавтор И.Л. Измайлова, в том числе и цитируемой статьи (это видно по инициалам в пояснительных примечаниях к источникам), Д.М. Исхаков в интервью журналу «Родина» сказал, что «даже если это кому-то не понравится, татары будут считать Чингисхана своим национальным героем. Дело не в моде – у нас имеется длительная историческая традиция, в десятке наших исторических трудов, учебников, выходивших до революции, Чингисхана при-

числяют к выдающимся фигурам» [24, с. 90]. Дело, разумеется, не в том, понравится это кому-то или нет, а в том, что считать Чингиз-хана – злейшего врага и истребителя татар – их национальным героем, абсолютно неверно и нелепо. Длительная историческая традиция, на которую ссылается Д.М. Исхаков, на самом деле представляет собой исторический миф. Для чего создавался такой миф, понять можно. Некоторым представителям татарской интеллигенции невыгодно считать свой народ побежденным, они хотят представить его в роли победителя, ради чего сознательно фальсифицируют историю. Если татарские историки и причисляют Чингиз-хана к выдающимся фигурам, то только из уважения к нему как к своему противнику. Национальным героем татар можно считать Батыя, который, правда, тоже был монголом, но основанная им Золотая Орда стала не монгольским, а татарским государством, закономерно отделившимся от Монгольской империи.

Количество монголов в улусе Джучи ввиду их немногочисленности поддается хотя бы приблизительному подсчету. Джучи получил от своего отца, как пишет Рашид ад-Дин, всего «четыре тысячи человек», т. е. воинов. Из них две тысячи (Мунгура и Кингитая Кутан-нойона) составляли левое крыло и находились у Орды, а остальные две (Хушитая и Байку) – правое крыло и находились у Бату [25, с. 274]. Правда, согласно «Истории Вассафа», автор которой находился под покровительством Рашид ад-Дина, но имел в своем распоряжении и другие источники, эти четыре «тысячи» к тому времени, когда «Бату сделался наследником царства отцовского», составляли «более одного тумана живого войска», т. е. «более 10 000 наличных воинов», и все они (?) находились под ведением Орды [26, с. 84-85]. Эти данные примерно совпадают с указанием «Тайной истории монголов» о том, что Джучи еще до начала своих завоевательных походов получил 9 000 юрт монголов [27, с. 176]. В начале XIV в. к войскам правителей правого и левого крыла улуса Джучи – Тохты и Баяна – прибавились русские, черкесские, кыпчакские, маджарские и прочие войска. Кроме того, как пишет Рашид ад-Дин, во время междоусобиц среди монголов часть их также ушла во владения Тохты и Баяна [25, с. 275]. Так, у Тохты находилось племя кият, которое «составляет один туман» (во время Чингиз-хана это была тысяча Куки-нойона и Мугэду-Кияна) [25, с. 270]. А в улусе Куинджи, внука Орды и отца Баяна, находились четыре тысячи войска джалаири [8, с. 119-120]. Видимо, по тем же причинам в Дешт-и Кыпчаке оказалось большинство воинов из тысячи племени хадаркин [8, с. 190].

По подсчетам К.З. Ускенбая, в улусе Джучи поселилось от 20 (если было выделено 4 тысячи войска) до 50 тысяч (если иметь в виду 9 тысяч юрт) монголов. «К этой цифре необходимо прибавить один туман (10 тысяч + их семьи) киятов и отдельных представителей других родов. С учетом всего этого, количество монголов, пришедших на территорию Восточного Дашт-и Кыпчака (вместе с Джучи) могло достигать до 70-100 тысяч человек» [28, с. 76]. Однако сомнительно, можно ли вместе с воинами считать количество их семей, так как семьями они могли обзавестись уже на новом месте. Кыпчаками в улусе Джучи, по мнению А.К. Кушкумбаева, в строгом смысле являлись тюркоязычные номады Дешт-и Кыпчака, которые «со временем стали основным военно-людским

ресурсом золотоордынской армии, разверстаным по всем улусам Джучидов» [29, с. 84]. Их численность могла доходить до нескольких сотен тысяч человек.

Вопрос о соотношении местного и пришлого компонентов населения улуса Джучи интересно было бы проследить по данным археологии. Коэффициент формально-типологического сходства (C_3) курганов степей Восточной Европы и земляных курганов Урало-Поволжья золотоордынской эпохи с кыпчакско-половецким погребальным обрядом домонгольского времени составляет соответственно 0,69 и 0,63. «То есть, участие предшествующего половецко-кыпчакского населения в формировании этнокультурного облика кочевников эпохи Золотой Орды не может отрицаться» [30, с. 154]. Однако археологи до сих пор не располагают статистическими данными по погребальному обряду средневековых кочевников Центральной Азии, что исключает возможность проведения сравнительно-типологического анализа урало-поволжских памятников с центральноазиатскими на предмет их генетической преемственности [30, с. 171]. Кроме того, «восточнее Мугоджар целенаправленные поиски и исследования археологических памятников еще не проводились» [30, с. 177]. Поэтому вывод о преобладании завоеванных монголами половцев (кыпчаков) в улусе Джучи касается только территории «от Мугоджар на востоке до Карпатских предгорий на западе». Находящиеся восточнее «каменные курганы» не связаны с кыпчакско-половецким этнокультурным ареалом Восточной Европы и могли быть оставлены либо самими монголами, либо тюркскими племенами, пришедшими в Дешт-и Кыпчак в составе монгольского нашествия [30, с. 231-233]. Учитывая незначительную численность монголов по данным письменных источников, второе предположение можно считать более вероятным. Однако, по нашему мнению, среди пришельцев преобладали монгольские племена, впоследствии тюркизированные (кыпчакизированные), которые еще до нашествия нашли в Дешт-и Кыпчаке убежище от Чингиз-хана и его сторонников. В археологии пока нет ясного представления о восточных пределах «каменных курганов», наиболее полно изученных в Южном Зауралье, но уже имеющиеся данные свидетельствуют о том, что в западной части улуса Джучи преобладал местный, а в восточной – пришлый компонент.

Изменения в этническом составе населения восточной части Дешт-и Кыпчака прослежены в исследовании В.П. Костюкова. Связываемые с монголами погребения с северной и северо-восточной ориентировкой в степной зоне Южного Урала, Западном, Северном, Центральном Казахстане и на Устюрте составляют соответственно 10,41% и 7,81% в имеющейся в распоряжении автора выборке. Однако количество пришельцев этой долей не исчерпывалось, так как преобладают погребения с западной (51,67%), северо-западной (17,1%) и юго-западной (10,04%) ориентировками, маркирующие переход, как местного, так и пришлого, населения к исламу (языческие и мусульманские комплексы автор включает в одну выборку) [31, с. 22-60]. Даже если иметь в виду только захоронения с северной и северо-восточной ориентировкой, то для самих монголов это было бы слишком много. Кем же тогда могли быть оставлены эти памятники? Расположенный в Южном Зауралье улус Шибана состоял из четырех родовых владе-

ний: кушчи, найман, карлук и буйрак. Найманский Таян-хан возглавил коалицию племен, пострадавших от монголов, но потерпел сокрушительное поражение. Борьбу продолжил его сын Кучлук, который собрал армию из остатков разгромленных Чингиз-ханом племен, но не смог организовать отпор завоевателям. Только с покорением найманов окончательно утвердилась власть Чингиз-хана над кочевниками Центральной Азии. История остальных трех племен известна менее полно. Тем не менее, удалось установить, что жизнь племен, называемых источниками в составе улуса Шибана, за исключением племени буйрак, «до начала XIII в. была целиком связана с центральноазиатским регионом и смежными с ним (среднеазиатскими) областями». Такой вывод позволил оспорить традиционное представление о количественном и культурном доминировании кыпчаков в Восточном Деште после монгольского завоевания [31, с. 99-133]. На наш взгляд, В.П. Костюков верно выделил один из компонентов населения улуса Шибана, который нельзя считать ни кыпчакским (поскольку нельзя говорить о его автохтонном происхождении), ни монгольским (речь идет о племенах, которые сопротивлялись монголам, а потом были распределены по разным улусам). О значительности выделенного компонента свидетельствует тот факт, что такие племена, сыгравшие важную роль в этногенезе казахов, как карлуки, найманы, керей, конраты и жалаиры, пришли на территорию Казахстана с монгольским вторжением и коренным образом перекроили этнический состав населения региона [32, с. 145].

Восточная часть Дешт-и Кыпчака не была областью распространения исключительно «каменных курганов». Однако традиция связывать все имеющиеся памятники с кыпчаками в археологии оказалась настолько сильной, что даже погребение воина-всадника в земляном кургане, в деревянном сооружении в виде ящика без дна, в положении вытянуто, на спине, головой на север (могильник Тасмола IV у г. Экибастуза Павлодарской области) было интерпретировано как кыпчакское [33]. Но погребения с северной ориентировкой могли принадлежать только монголам. Погребение знатной женщины, лежащей вытянуто на спине, головой на север (совхоз «25 лет Октября» Краснокутского района), также интерпретировано как кыпчакское [34]. Такая интерпретация не соответствует традиционному представлению об уничтожении монголами кыпчакской родоплеменной знати.

Вместе с тем пришлый компонент не ограничивался кочевым населением. Такой характерный для городов европейской части Золотой Орды тип жилых сооружений, как квадратные в плане дома с каркасными стенами, без фундаментов, с П-образными канами-лежанками, определенно привнесен монголами. Даже в многокомнатных домах в каждой жилой комнате встречалась П-образная суфа с каном. В городах Северного Кавказа обогрев не требовался, но суфы в жилых комнатах по традиции располагали также П-образно. «Установленный факт позволяет сделать вывод, что в Восточную Европу пришло достаточно много монголов. Среди них находились не только воины, но и мастера-строители. Они, начиная с 40-х годов XIII в., строили дома и города почти на всей территории Золотой Орды по своим домостроительным канонам, присущим монголам еще в ранний период их истории» [35, с. 153-155].

По нашему мнению, кочевое население улуса Джучи состояло из трех основных этнических компонентов: монголов, татар и кыпчаков. Монголы представляли собой высший управленческий слой государства, в котором правила династия потомков Джучи – старшего сына Чингиз-хана. Монголы были потомками тех воинов, которых Чингиз-хан отдал Джучи. Впоследствии в улус Джучи переселилась еще некоторая часть монгольских воинов. Татарами мы предлагаем называть те монгольские племена, которые не признали власть Чингиз-хана и тем самым отказались принять имя монголов. Спасаясь от преследований монголов, т. е. сторонников Чингиз-хана, эти племена бежали на запад Великой степи и дошли до Черного моря, а впоследствии вошли в состав многих тюркоязычных народов Восточной Европы и Средней Азии. Третий компонент – это кыпчаки, т. е. коренное население Дешт-и Кыпчака. Следует подчеркнуть, что используемые нами термины «монголы», «татары» и «кыпчаки» не являются названиями конкретных племен, хотя и восходят к племенным названиям эпохи раннего средневековья. Накануне монгольского нашествия в Дешт-и Кыпчаке обитало множество кыпчакских племен, среди которых собственно кыпчаки уже не выделяются [36]. В XIII в. в Дешт-и Кыпчаке поселились татарские племена кераиты, найманы, ойраты, меркиты, салджиуты, дурбаны и другие, среди которых собственно татары не фиксируются. Монгольские воины в улусе Джучи не обязательно происходили из племени монголов, они могли быть представителями и других племен, признавшими власть Чингиз-хана. В этом смысле деление племен на «монгольские» и «татарские» является условным: в числе монголов (сторонников Чингиз-хана) и татар (противников Чингиз-хана) могли быть представители одних и тех же племен, но в первом случае прежние племенные названия уже не являлись актуальными, так как все они были вытеснены гордым и грозным для окружающих именем монголов. Да и противники Чингиз-хана действовали сообща и, очевидно, по этой причине все чаще называли себя общим именем татары.

Длительное и упорное сопротивление, встреченное монголами в Дешт-и Кыпчаке, объясняется тем, что противниками монголов были не только сами кыпчаки, но и перешедшие на их сторону татары. Кыпчаки защищали свои земли, а татары не хотели возвращаться на родину. Еще в 1216 г. кыпчаки предоставили убежище меркитам и заключили с ними союз, но меркиты были только одним из враждебных монголам племен, поселившихся в Дешт-и Кыпчаке. В 1236 г. был организован Великий западный поход, в котором приняли участие представители всех монгольских улусов. Таким образом, только совместными усилиями Чингизидов удалось разгромить татаро-кыпчакскую коалицию. Однако после окончания Великого западного похода и возвращения основных монгольских сил в свои улусы, Бату-хан остался среди враждебных народов с очень небольшим контингентом монгольских воинов. В такой ситуации Бату-хан мог либо потерять власть, найдя спасение в Монголии, которая уже не была для него родиной (и то в том случае, если бы он остался живым), либо укрепить свою власть в Дешт-и Кыпчаке и привлечь на свою сторону покоренные, но не утратившие волю к сопротивлению, народы. Выбрав последний вариант, Бату стал ханом татар и кыпчаков. Учитывая

факт массового выселения кыпчаков за пределы Дешт-и Кыпчака, опорой правителя улуса Джучи могли стать татарские племена. Такая ситуация неизбежно вела к конфликту с центральным монгольским правительством, который объясняется объективными причинами, а не только личной неприязнью между Бату и Гуюком. Так Золотая Орда стала татарским государством с монгольской по происхождению династией во главе.

Основными компонентами населения улуса Джучи были кыпчаки и татары, монголы по сравнению с ними были малочисленны, поэтому они и не передали свое название населению улуса. Суть происходящих процессов была очень точно передана Г.Е. Грумм-Гржимайло: «То сравнительно небольшое число монголов, которое приведено было Джучи и пришло в Кипчакскую степь с Батыем, успело давно уже (под конец истории Золотой Орды. – И.А.) утонуть в море им чуждых народностей, как населявших ее, так и приведенных в нее в качестве пленных» [37, с. 146]. Монголы, согласно Г.Е. Грумм-Гржимайло, – это воины, выделенные Чингиз-ханом Джучи и во главе с Батыем окончательно завоевавшие Дешт-и Кыпчак. Их было сравнительно немного среди насельников Дешт-и Кыпчака (кыпчаков) и приведенных монголами пленных (татар). Сложившаяся в улусе Джучи татарская этническая общность не была идентична центральноазиатским татарам. Последние передали ей свое название, кыпчаки – язык, а монголы – правящую династию и высший военно-управленческий слой, утративший свое название и язык.

**Таблица 1. Родоплеменные образования
золотоордынского периода в составе башкир**

Этнонимы	Место в родо-племенной иерархии	Расселение по преданиям	Расселение по топонимам	Другие народы, в составе которых имеются одноименные родо-племенные образования
Кыпчак	Совокупность родов и родовых групп	Кубанские степи: «отцы и деды наши [ата-бабалар] пришли с Азовского моря» и поселились на новой родине, «перейдя через [реку] Итиль»	В районах расселения османских турков и гагаузов	Ногайцы, крымские татары, казахи, киргизы, каракалпаки, узбеки, алтайцы
Гэрэ, гэрэй (кереит)	Племя, род в составе кыпчаков	Волга	Причерноморские степи	Казахи, монголы, узбеки, киргизы, крымские татары, туркмены

Дуван (дурбан)	Племя, род в составе табынцев	Пришли «с Алтая», «с Иртыша», «с юга», «со стороны Мекки»		Киргизы, узбеки, казахи
Кошсы (кушчи)	Племя	Пришли «с Алтая» или «с юга»	Кавказ и Малая Азия	Узбеки, туркмены, казахи, ногайцы, киргизы
Катай (кара-китай, кидань)	Племя	Алтай, долины Иртыша, озеро Байкал; предки кочевали где-то «близ Кавказа», «по рекам Волге и Дону и в степях до Крыма»; на пути в Башкирию им пришлось перейти Волгу	Названия населенных пунктов гагаузов и болгар; Крым	Казахи, каракалпаки, киргизы, узбеки, ногайцы, крымские татары, монголы
Найман	Родовое подразделение в составе усерган		Крым и Причерноморье	Казахи, узбеки, ногайцы, башкиры, киргизы, крымские татары, монголы
Салгют (салджиут)	Племя	Предки кочевали где-то «близ Кавказа», «по рекам Волге и Дону и в степях до Крыма»	К западу от Азовского моря и в Крыму	Монголы, тувинцы, крымские татары
Табын	Племя	Алтай, Иртыш; предки пребывали «у берегов моря», они пришли на Урал «со стороны моря» или «с берегов Черного моря»; «переправились через Волгу» и пришли «на Иргиз», «на Узень», «на Актюбу»		Казахи
Теляу (теле)	Род в составе табынцев			Казахи, каракалпаки, узбеки, алтайцы, киргизы
Барын (баарин)	Род в составе табынцев			Киргизы, монголы

Кувакан (кур-кан)	Племя	Предки пришли «с Алтая», «из Монголии», «с озера Байкал», «из Казахстана»		Алтайцы, тувинцы
Кумрук	Племя	Монголия, местность Ябыккарагай в Южной Сибири; пришли в Башкирию «с иргизских степей»		
Бадрак	Племя			Казахи, узбеки, туркмены, ногайцы
Мин	Племя	Монголия, Алтай, Мавераннахр, долина Сырдарьи		Ногайцы, киргизы, узбеки, монголы, тувинцы
Миркит (меркит)	Род в составе минцев		Крым	Туркмены, ногайцы, киргизы, узбеки, алтайцы, телеуты, монголы
Балыксы	Племя	Алтай, Южная Сибирь, местность Кэнгэн в районе Томска		Казахи, киргизы, туркмены, тувинцы
Канлы (канглы)	Племя	Р. Сындаш в верховьях Тобола; предки переселились «с берегов Черного моря» или «из Крыма»		Казахи, киргизы, каракалпаки, узбеки, крымские татары, ногайцы
Киргиз	Племя	Кочевали в «сибирской стороне» и на Волге; «на Бухарской дороге у моря Сыр»	Причерноморье и Крым	Киргизы, тувинцы, казахи, узбеки
Елан	Племя	Пришли «со стороны Волги» или «из Крыма»		

Составлена по: Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения. М.: Наука, 1974. 571 с.

* По мнению Ю.А. Евстигнеева, ал-Омари «под «кипчаками» имеет в виду местное население Дешт-и-Кипчака, а под «татарами» не столько собственно монголов, сколько все пришедшие с завоевателями племена» [5, с. 27-29].

** Эта же статья была опубликована и под другим названием [7].

Список используемых источников:

1. Антонов И.В. Этническая история Волго-Уральского региона в XIII – начале XV вв. (историко-археологическое исследование). Уфа: Информреклама, 2006. 238 с.
2. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. I. 564 с.
3. Кычанов Е.И. О некоторых обстоятельствах похода монголов на запад (по материалам «Юань ши») // Тюркологический сборник / 2001: Золотая Орда и ее наследие. М.: Восточная литература, 2002. С. 75-83.
4. Усманов М.А. Об особенностях раннего этапа этнической истории улуса Джучи // Там же. С. 101-109.
5. Евстигнеев Ю.А. История и хронологическая трансформация содержания термина «кыпчак» // Проблемы востоковедения. 2012. № 1 (55). С. 27-29.
6. Измайлов И.Л. Татары в империи Чингиз-хана и его наследников: триумф побежденных // Золотоордынское наследие. Казань, 2011. Вып. 2. С. 38-55.
7. Измайлов И.Л. Татары в Азии и Европе в XIII в.: стереотипы и новые подходы // Национальная история татар: теоретико-методологические проблемы. Казань, 2011. Вып. II. С. 64-97.
8. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. М.; Л., 1952. Т. I. Кн. 1. 222 с.
9. Петрушевский И.П. Рашид-ад-дин и его исторический труд // Рашид-ад-дин. Сборник летописей. М.; Л., 1952. Т. I. Кн. 1. С. 7-37.
10. Рыкин П.О. Создание монгольской идентичности: термин «монгол» в эпоху Чингисхана // Вестник Евразии. М., 2002. № 1 (16). С. 48-84.
11. Чингисхан. История завоевателя мира, записанная Ала-ад-Дином Ата-Меликом Джувейни. М., 2004. 690 с.
12. Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингис-хана. М.: Восточная литература, 2006. 557 с.
13. Мухаметов Ф.Ф. Монгольская «Яса» и ее роль в системе общественных отношений империи Чингисхана // Вопросы истории. 2007. № 5. С. 150-155.
14. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1960. 276 с.
15. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения. М.: Наука, 1974. 571 с.
16. Бартольд В.В. Рец. на кн.: Н.А. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности (1897) // Бартольд В.В. Соч. М.: Наука, 1968. Т. V. С. 266-279.
17. Ушницкий В.В. Средневековые народы Центральной Азии (вопросы происхождения и этнической истории тюрко-монгольских племен). Казань: Фэн, 2009. 116 с.
18. Шенников А.А. Княжество потомков Мамай (к проблеме «запустения» Юго-Восточной Руси в XIV-XV вв.) // Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. Кн. 2 // Соч. М., 1997. Вып. 8. С. 455-483.
19. Ушницкий В.В. Темники и ханы из династии чингизидов в борьбе за власть в Золотой Орде // Золотоордынское наследие. Казань: Фэн, 2009. Вып. 1. С. 157-164.
20. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. М.; Л., 1960. Т. II. 248 с.
21. Кычанов Е.И. Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. Чингис-хан: личность и эпоха. М.: Восточная литература, 1995. 272 с.
22. Дремов И.И. Калмаки степей Казахстана XIV-XVI веков // Кадырбаевские чтения – 2012. Актобе, 2012. С. 278-282.
23. Почекаев Р.Ю. Батый. Хан, который не был ханом. М.; СПб.: Евразия, 2006. 350 с.
24. А было ли это? // Родина. 1997. № 3-4. С. 85-92.
25. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. М.; Л., 1952. Т. I. Кн. 2. 316 с.
26. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.; Л., 1941. Т. II. 308 с.
27. Козин С.А. Сокровенное сказание: монгольская хроника 1240 г. М.; Л., 1941. 620 с.
28. Ускенбай К.З. Восточный Дашт-и Кыпчак в XIII – начале XV века: проблемы этнополитической истории Улуса Джучи. Казань: Фэн, 2013. 288 с.
29. Кушкумбаев А.К. Содержание десятичной системы в военной организации монгольской эпохи // Военное дело кочевников Казахстана и сопредельных стран эпохи средневековья и нового времени. Астана, 2013. С. 80-95.
30. Иванов В.А., Гарустович Г.Н., Пилипчук Я.В. Средневековые кочевники на границе Европы и Азии. Уфа, 2014. 396 с.
31. Костюков В.П. Улус Шибана Золотой Орды в XIII-XIV вв. Казань: Фэн, 2010. 200 с.
32. Казиев С.Ш. Проблемы этногенеза и этнической истории казахов // Тюркские народы: фрагменты этнических историй. М., 2014. С. 282-422.

33. Кадырбаев М.К., Бурнашева Р.З. Погребение кыпчака первой половины XIV века из могильника Тасмола // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1970. С. 42-53.
34. Арсланова Ф.Х. Погребения золотоордынского времени в Павлодарской области // Там же. С. 54-59.
35. Кызласов Л.Р. Ранние монголы (к проблеме истоков средневековой культуры) // Кызласов Л.Р. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. Красноярск, 1992. С. 147-162.
36. Антонов И. Башкиры в эпоху кипчакской экспансии в VIII-XI вв. // Ватандаш. 2011. № 7. С. 13-36.
37. Грумм-Гржимайло Г.Е. Джучиды. Золотая орда // Арабески истории. М., 1994. Кн. I. С. 100-146.

© 2016, Антонов И.В.

К вопросу о монголах и татарах в Золотой Орде

© 2016, Antonov I.V.

To the question about the Mongols and the Tatars of the Golden Horde